

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Дом
с фиалками

Надежда Нелидова

Дом с фиалками

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Дом с фиалками / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966204-0

Пронзительные женские судьбы из серии «Красивые тоже плачут». Любовь, стрельба, охота за мечтами и бриллиантами. Женская красота и трагедия — всегда рядом.

ISBN 978-5-44-966204-0

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ДОМ С ФИАЛКАМИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дом с фиалками

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6204-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ С ФИАЛКАМИ

1. САША.

В жарко натопленной, прокуренной, ярко освещенной дежурке районного отдела милиции раздавались взрывы хохота. Из отпуска вернулся эксперт Юра Оганесян, ездил руководителем туристической группы на Саяны. Теперь будет месяц травить анекдоты, собранные со всех уголков страны. Хохмач, ребят от него за уши не оттащишь. Зато и дежурство незаметно пролетит. Вон, уже третий час ночи, а пачка сигарет нетронутая – спасибо Юре.

Неделя Андреевых дежурств, подряд, затишье. Конечно, если не считать семейных разборок и мелких уличных грабежей. Но никто из группы быстрого реагирования по этому поводу радости не изъявляет. Горький опыт подсказывает: чем дольше и глубже тишина – тем громче ее взорвет, так что областное начальство потом матюкается: «Чикаго у себя устроили, так вас и разздак, всю статистику похерили».

Ну вот, накаркал. Звонит женщина: голос от возбуждения прерывается, дрожит. Двадцать минут назад своими глазами видела убийство в парке.

Наутро в угро будут слушать пленку, с умиротворяющим шорохом передающую сбивчивый рассказ свидетельницы. Она возвращалась с ночной фабричной смены, не стала ждать дежурного автобуса. Шла не по аллее, не под фонарями, а по дорожке, протоптанной фабричными женщинами за кустами разросшихся акаций. В темноте – так безопаснее. А то в прошлом году голый мужик в длинном пальто подкарауливал. Идешь со смены усталая, еле ноги волочишь, а этот, такой интеллигентный, – раз! – и срам в полной боевой готовности... Женщины визжали – а ему хоть бы хны. Место глухое... Нашли его хоть, нет? Не отвлекайтесь, свидетельница.

Так вот, в это же самое время посередине аллеи шла девушка, очень высокая, в шубке, с распущенными волосами. Тут ее нагнал мужчина меньше ее ростом. Дальше уже они пошли вместе, тихонько и, кажется, вполне дружелюбно переговариваясь. Они совсем рядом со свидетельницей были, но пережидющую, перетаптывающуюся в кустах женщину не слышали: снег под ногами подтаявший потому что, мягкий.

И вот только они отошли, как раздался такой негромкий, но звучный хлопок. Свидетельница чуть-чуть осмелилась высунуть голову из кустов: мужчины как не бывало, а девушка лежит на снегу. Свидетельница, конечно, подходить не стала: с ума она сошла, что ли, да ее бы тут же и уложили рядышком.

...Потеплело. Громко шуршал, скрипел, потрескивал, оседая, тяжелый весенний снег. И деревья стояли мокрые, черные, весенние, ветки в бисере крупных прозрачных капель. Уже в начале аллеи было видно темнеющее на снегу пятно. Место преступления оцеплено.

Молодая девушка в шубке лежит, неловко подвернув ноги в модных сапожках. Длинная, тоненькая, красивая, в свете фонаря просто не по-земному красивая. Голубоватое лицо, темные шнурочки бровей; в муке, кривой буквой «о», открытый рот, губки очерчены резко, надменно. На оголенном запястье блестит браслет с зеленым камнем. Пуля, по-видимому, вошла возле уха с близкого расстояния, кровь пропитала снег в диаметре полуметра вокруг головы. Яркие рыжие волосы нимбом улеглись вокруг головы.

«Постой-ка, постой. Рыжие, – Андрей Сивцев присел, стараясь не запачкаться, отвел липкую прядь. – Так вот при каких обстоятельствах нам пришлось свидетельствовать. Вот, птичка, и попала ты в свою западню. Сколько веревочке ни виться...».

Юра, передвигаясь гусиным шагом, делал замеры рулеткой. Подошла «скорая», врач выпрыгнул в накинутах поверх пальто белом халате. Не вынимая рук из карманов, присел, подержался за пульс. Отведя норковый ворот, послушал стетоскопом грудь. Потом обошел вокруг убитой, только что не попинал.

Водитель подошел, позвал греться в машину. С любопытством заглянул в мертвое голубое лицо. «Ух, хороша девка. Кому-то дорогу перешла... Черт, ботинки совершенно промокли. Моя жлобится, все дешевку на рыбьем меху на китайском рынке берет».

2. МАЙКА.

До пяти лет у Майки отец на ее глазах бил маму. Слушая крепкие, глухие удары по мягкому живому телу, девочка дрожала. Но не плакала, только темные глаза у нее странно увеличивались, росли, как блюдца. Отец пинками выгонял жену в прихожую, запирали комнату на ключ.

– Доча! – он хлопал по колену толстой распластанной ладонью. – Сюда, доча.

У парализованной от страха Майки росли глаза, росли до тех пор, пока, кажется, на лице ничего не оставалось, кроме неправдоподобно огромных черных глаз.

– Доча, убью, зараза.

Рыбкой захватывая ртом воздух, она приближалась, не отрывала глаз от красного вздувшегося родительского лица.

– Сюда! – отец, как щенку, хлопал рукой по колену. Майка, цепляясь за штанину, карабкалась. И тогда он вынимал из кармана какое-нибудь размякшее шоколадное яйцо в серебряной бумажке или чупа-чупс, целовал Майку, в порыве пьяной слезливой любви сдавливал ее громадными ручищами. Она сидела застывшая, судорожно вытянув шейку.

Однажды мама не вернулась из больницы. Отца посадили, а Майка попала в детский дом. И здесь она не стала бойчей, громче. Не говорила – слабенько шелестела, так что всегда ей приходилось с досадой переспрашивать по несколько раз одно и то же. Никогда ни с кем не заговаривала первая, сидела и ходила вытянувшись в струнку, как солдатик. Если ее просили о чем-нибудь, она опускала глаза и чуть слышно шептала: «Хорошо».

Когда просящий отворачивался, на Майкином личике проскальзывала неприятная гримаса. Точно оцепенелое состояние, из которого ее вытащили, было ей намного интереснее очередной общественной нагрузки.

Когда девочка пошла в школу и ее перестали стричь, все вдруг увидели, как из куцых косенок на глазах вырастают, густеют волосы чудесного, смоляного с просинью, цвета. Вопреки строгим детдомовским нормам и правилам, ей их отрастили до подколенок.

Тот, кто видел Майку со спины, не верил, что эта мерцающая, как звездная ночь, со вспыхивающими, бродящими в глубине искрами масса волос принадлежит не роскошной восточной женщине, а худосочному заморышу. С ее волосами вечно возились, выдумывая прически, молоденькие воспитательницы и девочки из старших групп. Теперь на городском и областном конкурсах «Мисс Коса» детский дом неизменно занимал призовые места.

Училась Майка на серенькие троечки. После восьмого класса поступила в швейное училище. Как воспитаннице детского дома, ей не нужно было сдавать экзамены, а то вряд ли бы она их выдержала.

...И однажды, возвращаясь с занятий, Майка ехала в автобусе. Она сидела на заднем сидении рядом с пожилой пассажиркой в клетчатом берете с большой пуговицей на макушке, как у Олега Попова. На очередной остановке вошел парень маленького роста, миниатюрный, как девушка, с серыми, глубоко посаженными глазами. Он быстро и жадно курил, и посматривал в окно.

Пассажирка с пуговицей восторгалась и заворчала, что курят в салоне общественного транспорта только последние свиньи, которым плевать на стариков и детей, а также на людей, страдающих астмой, вот как она. Это была храбрая старуха-скандалистка, которую никто еще не проучил за привычку бесстрашно совать всюду свой нос.

Парень мельком мрачными, глубоко посаженными глазами взглянул на старуху, у которой на макушке гневно прыгала большая пуговица, и смял сигарету. Майка восторженно смотрела на парня: она чувствовала, что ее слабенькая суть не в силах противиться темному влечению к этому миниатюрному, как девушка, парню.

И еще она поняла, что они из разных миров. Она из тех, которых не замечают, а он из тех, которые не замечают. И успела подумать, что вот сейчас он выйдет, а она поедет дальше и уже никогда в жизни не встретит своего Прекрасного Принца. Это показалось ей диким, с этой минуты она не могла жить, не видя его.

И когда парень вышел и стремительно зашагал по переулку, Майка стряхнула с себя оцепенение и прыгнула следом. Запыхавшись, она бежала за ним мимо старинных, с осыпающейся штукатуркой домов, кривых неохватных, как в сказке про мальчика-с пальчика, деревьев, каких-то рядов сараев и полениц, и вбежала следом в двухэтажный облупленный дом. Успела увидеть, как он перескакивает через три ступеньки по деревянной поющей лестнице. Она тоже вбежала наверх... Тут парень будто сквозь пол провалился.

Майка перевела дух и огляделась.

3. САША.

...Справляли день рождения у друга Ленки. Андрей Сивцев сумел вырваться только в первом часу – прижимая руки к сердцу, клянясь, лепеча нарочно пьяным голосом, что завтра идти с отчетом к заму.

Всей компании под предводительством Ленкиной жены загорелось его проводить до остановки. Хохоча, толкаясь в тесной, надушенной и прокуренной прихожей, разбирали и влезали в кожу, чернобурки, норки, мутон, обматывали шеи двухметровыми пушистыми шарфами – богатая собралась публика на Ленкиной вечеринке.

Потом скученной толпой, от которой то и дело отлеплялась мужская или женская фигура и под «ла-ла-ла» выплясывала под фонарями нечто среднее между ламбадой и русской плясочкой на спящей улице, привлекая внимание редких прохожих.

– В переулке каждая собака

Знает мою шаткую походку! —

Задыхаясь от смеха, нарочно привирали слова.

Его впихнули в трамвайный вагон с хохотом, с шутливыми напутствиями; нахлобучили шапку на нос, исколотили всю спину кулаками. Наконец, дверь захлопнулась, шум, веселые крики точно отрезало. Дежурная веселость сошла с него, он с облегчением передохнул. Завернулся плотнее в пальто, уткнулся в поднятый воротник – затих. Облизнул губы, сладкие от чьей-то помады.

В тускло освещенном холодном салоне было почти пусто. Только впереди сидела старушка с мальчиком, но и они скоро вышли. Чтобы нечаянно не уснуть, Андрей начал считать остановки: одиннадцатая в новом микрорайоне – его. Запутался уже на третьей.

Пригрелся, начал задремывать. Еще успел подумать сквозь дрему, не увезла бы вожатая в парк – втокнули его по пьяни в прицепной вагон. Да нет: видела, небось, в боковое зеркальце, как дурная компания заталкивала дубину стоеросовую. Вагонные двери, астматически шипя, исправно открывались на всех остановках.

...Проснулся, почувствовав тревогу. Чьи-то быстрые сухие пальцы двигались у его руки, у запястья. Они были очень проворные, эти пальцы, делали свое дело быстро, едва касаясь, и эти легкие вкрадчивые движения вызывали тревогу. Андрей чуть разлепил ресницы.

Перед ним на корточках сидела девушка: сосредоточенно, трудолюбиво склоненная головка, гладкие рыжие волосы, связанные низко на шее в узел – по ним, как по полированным, скользили отсветы от уличных фонарей. Закусив губу, она безуспешно пыталась расстег-

нуть толстый браслет его японских часов. Андрей сам мучился с ним по утрам, бранился, все собирался отнести в ремонт.

Рыжеволосая принялась помогать себе зубами – он ощутил прикосновение кончика холодного носа, теплых полураскрытых губ. Все-таки она справилась быстрее, чем Андрей ожидал. Но он и теперь не шелохнулся, даже подпустил легкое похрапывание. И девушка с рыжими волосами потеряла бдительность, молниеносно сунула часы – куда, толком не увидел. Но когда сильно, как птица, рванулась к открывающейся дверке, он железной «ментовской» рукой ухватил за локоть и сильно дернул книзу, заставляя рыжеволосую вновь присесть.

Она ахнула. И тут же гладкий лобик у нее сморщился, шнурки бровей удивленно поползли вверх. Андрей тоже, не веря себе, всматривался.

– Что, скажешь, не признала? Скажешь, не вспомнила, клофелинщица вагонная? – он сжимал ее тонкие руки все сильнее, выкручивал их. Старая злость ожила в нем.

У девушки лицо кривилось от боли. Она, тяжело дыша, боролась, стараясь высвободить руку. И вдруг, изловчившись, острыми зубами с тугим хрустом прокусила ему кожу на тыльной стороне ладони – и в одну секунду змеей выскользнула между закрывающимися дверками.

За стеклом близко от него проплыло, удаляясь, улыбающееся насмешливое лицо: рыжеволосая делала ручкой... Вынула из кармана и помахала его часами, показала язык...

4. МАЙКА.

Она стояла в широком, как зал, коридоре с зарешеченными пыльными оконцами под самым потолком. Вправо и влево уходило множество дверей. Перед каждой лежали либо сложенные в несколько слоев половички, либо тряпичные кругляшки, либо стершиеся резиновые квадратики. Из стены тут и там торчали водопроводные краны. Из-под раковин выглядывали прокисшие черные ведра. Полки с хламом вдоль стен прикрывали занавески, кое-где подмоченные и начавшие чернеть и подгнивать снизу.

Майку это слегка поразило. Прекрасный Принц мог жить в хрустальном дворце, на худой конец в квартире с лоджией на непостижимой высоте... Но не в этом же облупившемся доме с раковинами, забитыми картофельной кожурой, вываренным лавровым листом и перловкой, с застоявшимся под потолком запахом жареного лука и рыбы...

Только у одной из дверей рядом с туалетом в самом тесном и темном углу не стояло помойного ведра, и на полках, предназначенных для хлама, теснились разнокалиберные горшочки с фиалками. Здесь в угловой квартире жила одинокая женщина, целыми днями пропадая на работе. Выращивание фиалок были ее хобби.

Сюда не проникал солнечный луч, из кухни несло чадом, из туалета – кислятиной. А цветы, будто питаясь этой дрянью, стояли тугие, свежие, с толстенькими меховыми листьями. И все до одного, точно сговорились, буйно цвели, горели пронзительными синими, фиолетовыми и бордовыми огоньками. Майка не утерпела, понюхала цветы, погладила теплые листочки и присела в фиалковом укрытии на низкую батарею.

Из туалета тотчас вышла черная носатая старуха в толстом спортивном костюме, с жестяным узкогорлым кувшином в руке. Она подозрительно с ног до головы оглядела девочку.

– Ты чего здесь сидишь? Чего надо? – накинулась она с руганью. Майка догадалась пробормотать:

– Мне сказали... Я думала... Мне квартиру снять. Я думала, пускают.

– Не ходят к нам квартиры снимать, – мрачно сказала старуха. – Нет, не ходят. Одни пропащие, может.

Она ушла, оглядываясь уже не только с подозрением, но и с ненавистью. Майке пришлось в голову, что если еще раз старуху вынесет нелегкая, то та уж точно поднимет шум. И тогда, наконец, оживут эти мертвые высокие двери, будут открываться, скрипеть, хлопать, начнут высовываться чьи-то головы. И Майка, возможно, увидит сероглазого парня.

Она уже пригелась и задремала, когда прямо напротив распахнулась дверь, оттуда вылетела высокая рыжеволосая девушка в распахнутой шубке. Перед самым Майкиным носом мелькнула во взмахе узкая рука, браслет с зелёным камнем на запястье. Она пронеслась мимо девочки, опавнув ее запахом тонких сладчайших духов. Входная дверь уверенно, громко, как за своим здесь человеком, хлопнула за нею.

Комната, из которой вылетела душистая девушка, снова отворилась. Появился Прекрасный Принц в свитере, джинсах и засаленных тапках на босую ногу, с чайником в руке. Насвистывая, он отправился в конец коридора. Майка, плохо соображая своей слабой головой, что делает, юркнула за дверь.

Комната была огромная, с высокими сводами-арками. На окнах висели седые от пыли бархатные малиновые шторы с кистями, какие показывают в фильмах про купцов. На полу стоял узкий длинный ящик телевизора, также густо покрытый пылью.

Заслышав из коридора приближающееся посвистывание, Майка спряталась за штору. Прекрасный Принц поставил чайник с кипятком на пол – в этом месте наслаивались друг на друга желтые круги – и принялся возиться с дверью. Он приседал на корточки, привставал на носки, опускал крючки и крючья снизу и сверху, накидывал цепки и цепи, поворачивал ключи в скважинах, а в довершение с грохотом вдвинул в скобу узкий железный засов. Он будто в сейф себя закрывал.

У Майки с каждым очередным скрежетом и лязгом сердечко замирало все больше и падало все ниже.

Парень постелил на диван газетку, поставил чайник, бухнулся рядом и жадно закурил. Не вставая, шваброй открыл форточку. Потом вскочил и стал яростно рыться в письменном столе, швыряя ящички, выкидывая что-то на пол. И вдруг прыжком оказался у шторы, за которой, ни жива ни мертва, стояла Майка, отдернул ее, чуть не сорвав с колец. В руке у него был маленький, как игрушка, пистолет.

С каменным лицом, не вынимая изо рта сигареты, он отодвинул Майку. Двигаясь зверино, прыжками, обследовал по периметру всю комнату.

– Что ты здесь делаешь, а? Та как сюда попала, а? А?

Голос у него был тонкий, визгливый. Молниеносными, непонятными для Майки движениями парень снизу вверх провел по ее бокам, полуобнимая, полуощупывая, задерживаясь на пазах, подмышках, карманах. Искал что-то. Вытолкнул ее на середину комнаты.

– Чего молчишь? Откуда меня знаешь? Кто подослал?

Погасил свет, чуть раздвинул шторы и, прячась за ними, выглянул во двор.

– Тебя ждут?

Майка с глазами, тонувшими в слезах, кивнула головой.

– Кто?

Она шепнула невразумительное. Пальчики, которые она не знала куда деть, наткнулись на тесемки шапочки, затеребили, начали рвать душивший горло узелок. Вязаная шапка упала. Волосы, которые она в это утро кое-как сцепила заколкой, рассыпались по плечам, спине; тяжело, скользко и прохладно покрыли его руку, которой он тряс ее за плечо. Парень отступил, чтобы на расстоянии подхватить черный звездный обвал, грозивший застелить грязный пол.

Он с изумлением разглядывал ее – в детском коротком пальтишке с якорьком на воротнике, в тусклых сапожках, заляпанных грязью. Она до сапожек была покрыта искрящимися волосами.

Он задумчиво большим пальцем водил по Майкиному запястью. Запястье было тонюсенькое, нежное, просвечивающее. Какая, должно быть, гладкая, прохладная кожа была на ее хрупкой спинке с выступающими жемчужинками позвонков и на слабых, вмиг покрывающихся пупырышками и наливающимися алой кровью плечах и бедрышках...

Он намотал волосы на руку, заставив запрокинуться ее голову. Майкины губы отдавали слабым фиалковым привкусом, были мяконькие, нежные, не оскверненные никем до него.

5. САША.

Андрей Сивцев после армии шоферил в Забайкалье пять лет без передыху, без отпусков. Мать умерла, старенькая уже была, больная. Добротный дом в уральской деревне стоял заколоченный. Теперь Андрей с валютой, зашитой в плавки, уезжал в Россию, поставив перед собой выполнение такой примерно программы-минимум. На часть заработанного и проданного от дома погудит, погуляет, уважит деревенских – это само собой. Поставит матери мраморный памятник. Заодно и женится на доброй деревенской девке (была одна на примете). А там приищет домик поближе к югам.

...Таежный вокзальчик был маленький, по-домашнему уютный. В высоко рубленные окошки бросало красные лучи заходящее за сосны холодное осеннее солнце. Потрескивая, горели дрова в круглой железной печурке. Пожилая уборщица-остячка мыла полы добросовестно, как в собственной избе.

Публика в зале собралась самая разношерстная. В углу у бачка с кипятком прямо на полу расположилось эвенкийское семейство. Хотя все они были по-европейски одеты, и на старшем сыне, которого, кажется, и провожали, из-под расстегнутого пальто виднелся серый костюм – «тройка» — все равно в зале крепко припахивало шкурами.

Вытянув в проходе тощие длинные ноги, спали, раскрыв рты, четыре парня в добела выгоревших куртках, опустив ляжки рюкзаков, неудобно привалившись к деревянным спинкам скамеек. Как на каждом добропорядочном вокзале, присутствовала семья военнослужащего в составе двух человек. Супруга, вся из себя блондинистая дама, то и дело подходила к кассе и, гордясь нездешним произношением, громко запрашивала билеты на фирменный скорый поезд «Россия».

На скамье под расписанием движения поездов дремала девушка в ладно пригнанных красной курточке и брюках. Белый платочек, низко надвинутый на лоб, оставлял открытым небольшой овал лица: так повязывались, спасаясь от клещей и комаров, девушки в геолого-разведочных партиях. У ее ног без всякого надзора валялся новенький красный рюкзачок.

Вот она гибко, как кошечка, потянулась, сняла и вчетверо сложила отутюженный, чистый до синевы платок. Встала и сразу вдруг оказалась длиннющей и тоненькой. Покачивая бедрами, потряхивая рыжей блестящей гривкой, бойко поглядывая вокруг, она прошла к бачку с водой. Один из не спавших парней присвистнул.

Андрей тоже не отводил глаз: «Да ты, лапонька, только прикидываешься геологиней. Свежим девичьим платочком меня не проведешь. Повидал я таких на трассе, будь здоров».

Когда он со своим чемоданом подсел к ней, она мило улынулась, и они легко разговорились. Оказывается, им было нужно на один поезд. Она, нахмурившись, досадуя, призналась, что у нее не хватает на билет. Чуть-чуть. Это была тонкая разведка с ее стороны. Андрей не собирался выяснять, сколько именно не хватает. Рассмеялся и тут же купил билет – смешно мелочиться, когда везешь с собой тысячи. Билеты, разумеется, взял в одно купе.

На вопрос, как зовут, рыжеволосая сказала: «Саша». Он подумал, что это мальчишечье имя очень идет к ней, поджарой, длинноногой. «Нет, дорогуля, ты меня постными глазками не проведешь», – опять подумал он, когда объявили посадку и она не спеша пошла впереди, покачивая бедрами, нервно пошевеливая лопатками под тонким свитером. Куртку она сняла и изящно перекинула через руку, чтобы её можно было хорошенько, в подробностях разглядеть сзади. Андрей нес ее легонький игрушечный рюкзак и свой чемодан, набитый, будто гирями, подарками для родни.

Рослый Андрей считал себя достаточно опытным в отношениях с женским полом. Идя за девушкой с рыжими волосами, он знал наперед, что его ждет в купе, и знал, что с его стороны это не потребует особых усилий. Для таких, как эта перелетная птичка, все измеряется деньгами. Сейчас она чувствовала себя обязанной за дорогой билет. Ну, само собой, ресторан в пути плюс тряпки какие-нибудь (там из чемодана подберем ее размер, женская родня не обидится). Дорогие по вокзалам не промышляют.

Что же, в очередной раз повезло: кроме них, в купе никто не ехал. Дверка задвинулась, и они принужденно враз о чем-то заговорили. И сразу замолчали, точно поняли, что говорить ни к чему и не о чем. Молча, красноречиво глядели в глаза друг другу.

Он взял Сашу за руку. Под ее кожей пробежало что-то вроде разряда электротока, а во взгляде, который она быстро отвела, Андрей успел прочесть такое неподдельное отвращение, такую ненависть, что ему стало не по себе. «Показалось, – успокоил он себя. – Ну конечно, показалось».

В глазах всех женщин, которых он для начала так же брал за руку, которые они тоже, хихикая, пытались отнять с фальшивой стыдливостью, Андрей читал совсем другое. Под их кожей тоже пробегало подобие разряда – но уже от желания, чтобы поскорее соединились не только их руки...

6. МАЙКА.

Майка до этого думала, что поцелуй – это очень красивое, легкое прикосновение полураскрытых, как лепестки, губ. Как бабочки в воздухе соприкасаются. Но сейчас через рот стремились вобрать ее всю до остатка. Он пил ее чистое детское дыхание, взамен принуждая вдыхать его, отдающее табаком и вином, сохранившее зловонное дыхание других женщин.

Он настигал ее испуганно ускользающий прохладный язычок – и целовал, целовал, как мог, как хотел и сколько хотел, пока она не забилась от удушья...

Когда с рычанием, хрустнув небольшим, но сильным костяком, поднялся, на кожаном диване после него остался лежать съезженный, скомканный, запачканный алой кровью комочек.

Не спеша подобрал он спутанные на голенькой спинке, не вмещающиеся в его руке волосы и тщательно отер во всех складках, осушил ими свой пах. Майка только глубже втиснула голову, когда он бросил ей на спину липкий клубок. Теперь в ней не оставалось ничего, не принадлежащего ему.

– Уже поздно. Тебе пора.

Не отрываясь от спасительной поверхности дивана, Майка шепнула: «Мне некуда идти».

В эту ночь он не дал ей сомкнуть глаз и ужасно измучил ее. Всеми известными и тут же изобретаемыми способами продуманно, не спеша, безжалостно выворачивая, выламывая, как в цирке дю солей, маленькое гуттаперчевое тело, он постарался впрок, надолго извлечь из безответной девчонки все, что подсказывала ему фантазия.

К утру от Майки ничего не осталось. Ничего собственного от нее, опустошенной, выскобленной досуха, до доньшка, не осталось. Она была шелухой, апельсиновой долькой, которую высосали, разжевали и безжалостно выплюнули. Не было частички тела, которую он не сумел бы сегодняшней ночью сделать своей. И вместе с каждой частичкой тела отмирала, усыхала, истаивала Майкина душа. Она стала слугой, рабой этого первого в ее жизни мужчины. Она вся, до мизинчика, растворилась в нем.

Утром ей было приказано поджарить картошки с мясом: он устал, как скотина, и чертовски хотел жрать. Сам остался лежать на диване, укрывшись до пояса одеялом. Курил и смотрел, как Майка, согнувшись старушонкой, циркулем передвигая онемевшие, в синяках, ноги, тащит ведро с крупной картошкой, чистит, режет соломкой и вываливает в скворчащий плавающий шпик, переложенный кусками мяса.

– Слушай-ка, – недовольно, точно сейчас только заметив, крикнул он, – когда ты успела натянуть платье? А ну-ка немедленно сними!

Майка отложила нож, послушно расстегнула и стащила казенное платье, оставшись в узкой жесткой сорочке.

– К черту сорочку! – крикнул он. – Все снимай, слышишь? Все к черту!

Она сняла сорочку. Помедлив, взялась за трусики... оглянулась на него. «Все», – подтвердил он. Она ровной стопкой сложила одежду на пол и продолжала стоять у плитки голая, дрожа от холода. Все же за завтраком он сжалился над ней и разрешил надеть платье. И даже сказал поощрительно с набитым ртом:

– Готовить умеешь. Ничего.

Бледная, с синяками под глазами, она робко просияла. Пожалуй, самое жестокое, что он сделал после всего: когда, уже одетый, увидел, что Майка недвижно сидит на диване. Он взорвался, заорал:

– Какого черта? Мне пора идти, ясно? Думаешь, я тебя здесь оставлю? Черта с два, – и он совал ей в руки скомканную кофточку, пальтишко. Тут Майка, не осмеливаясь поднять глаз, медленно опустилась на колени.

Она прижималась лбом к его ботинкам и, целуя их черными вспухшими губами, тихо умоляла своего возлюбленного, господина и мучителя своего, чтоб он сжалился над ней и позволил остаться угодать ему дальше. Она будет жарить ему на ужин мясо, варить по утрам кофе – она научится. Он будет доволен, вот увидит. Она не может жить без него.

Но он не собирался слушать бредни, всовывал бессильно уроненные руки в рукава пальто, выталкивал вон ее, слабо упирающуюся.

Майка села в автобус, поехала куда-то, потом вернулась с полдороги. Она не представляла, куда и зачем ей надо ехать. И вечером снова сидела на батарее под фиалками. И снова примерно в то же время увидела высокую рыжеволосую красавицу, выходящую из его двери. Она стремительно пронеслась мимо Майки, едва не опрокинув лапами шубки горшки с цветами и не заметив этого. Спустя минуту парень вышел с чайником. И остолбенел, увидев Майку. Он считал, что распрощался с этой слабоумной малолеткой раз и навсегда.

Но острое воспоминание о тесном, узеньком, бескостном и бессловесном теле заставили его принять решение, в результате которого Майка снова оказалась на кожаном диване, жестком и холодном, как операционный стол. Рано утром он вновь безжалостно выставил ее за дверь, пригрозив, чтобы ноги ее здесь больше не было. К вечеру Майка вернулась.

7. САША.

Стучали колёса, вагон поматывало. Они выпили коньяку (чемодан стал чуть-чуть легче). И, так и не успев дотронуться до Сашиной белой шеи, хотя бы погладить гладкие рыжие волосы, Андрей Сивцев повалился на полку и уснул мертвым сном. Если бы он был способен видеть, то стал бы свидетелем следующего.

Минуту Саша сидела неподвижно, не отрываясь смотрела на него. Громко позвала по имени и потрясла за плечо. Он ответил здоровенным густым храпом. Выглянув в коридорчик – убедившись, что пуст, заперлась на ключ и выдвинула «секретку».

Для начала она быстро перецепила золотые часы (уже очень ему хотелось поразить родню) с его большой руки на свою маленькую – ей пришлось задвинуть их почти на плечо, чтобы не болтались. Широкое кольцо – печатка вросло в палец и не хотело сниматься. Она поискала глазами вокруг. Догадавшись, выдернула у себя несколько волосинок и, обмотав вокруг сустава, осторожненько сняла.

Спящий замычал, она отпрянула и минуту сидела, рассматривая его лицо. Уже остерегаясь, обследовала подкладку пиджака, карманы. Расстегнула брюки, с трудом стащила. И быстро

нашла то, что искала: в потайных кармашках тугих плавок плотные розовые и зеленые пачечки, аккуратно, любовно уложенные и зашитые женской рукой.

Чемодан Саша не без труда извлекла из багажного ящика (она предусмотрительно устроила так, чтоб лошара повалился на ее полку). В одну руку взяла чемодан, через другую перекинула его отороченную мехом ламы новенькую «аляску» – и вновь выглянула в коридор. Вагон мёртво спал.

Она хорошо знала этот перегон, сейчас ожидалась двухминутная стоянка. Быстро, насколько это можно было, цепляясь за стенки тяжелым чемоданом, прошла в противоположный от купе проводников тамбур. Открыла дверь, подставила лицо тугому ночному, прекрасному ветру. Когда поезд остановился, Саша вытолкнула чемодан. Потом спрыгнула и зашагала, перегнувшись от тяжести, к белевшей в темноте дощатой станционной уборной.

Там она сделала свои маленькие дела, поживаясь от холода, прислушиваясь с затаенным дыханием к тишине. Поезд бережно, не потревожив сон пассажиров, тронулся, набрал скорость и ушел. Она вышла и спросила у какого-то старика с фонарем, можно ли найти попутный транспорт до райцентра. Через пять минут, облокотясь о чемодан, Саша тряслась в набитой колючим и пахучим сеном телеге, болтала ногами, пила из банки ледяное молоко и слушала стариковскую воркотню.

Андрей Сивцев проснулся ближе к полудню, за многие сотни километров от той станции, где сошла рыжеволосая девушка. В купе сидели новые попутчики. Они помалкивали, боязливо поглядывали на его разинутый, оглушительно храпящий рот, на раскинувшееся во всю длину полки огромное плотное белое тело в полуспущенных плавках. Он вдруг зашевелился, кашлянул и сразу сел.

– А Саша где? – спросил он слабым, жалобным голосом и сам удивился его слабости. Чертовски разламывалась голова. Так как на него смотрели с недоумением, он пояснил морщась:

– Ну, девушка, которая ехала со мной.

– Не было никакой девушки, – сказали ему, с пониманием презрительно усмехнулись и отвернулись.

Он тоже начинал кое-что понимать. Попросил пассажиров встать, поднял полку над багажным ящиком. «Ага. Такие делишки». Сел и минуту соображал. Потом быстро, насколько позволяло его состояние, ушел в туалет, проверил плавки, хотя без того было ясно: нечего там проверять. «Гадина, гадина», – повторял он и всхлипывал, плакал в тамбуре. Попадись ему сейчас эта рыжая тварь, шлюшка, клофелинница вокзальная – придушил бы как кошку, не раздумывая.

Вернулся в купе, сел и сидел так, подперев голову, час, второй.

Позже Андрей спросил проводницу о девушке. «Это красивенькая такая, рыженькая?» – простодушно спросила та. – Нет, не видела, как сошла». Он вспомнил, что так и не успел не только переспать с Сашей, но хотя бы обнять, хотя бы поцеловать в резко очерченные, надменные губки – и застонал от двойного чувства обиды.

Самому себе не хотелось признаться, что, несмотря на всю отвратительность происшедшего, девушка с рыжими волосами была желанна, как никакая другая до нее, продолжала нравиться ему, нравиться ещё больше, черт побери! Сначала бы взял, ах, как бы он взял ее! А потом бы придуш... Отдубасил, чтоб мало не показалось.

«Я ж не трехглазая, верно? – ворчливо оправдывалась проводница. – Работаю без сменщицы, за всем не уследишь».

Нет, она не заметила, на какой станции сошла девушка с чемоданом. Только утром обнаружила дверь запасного тамбура открытой. Она очень рада была, что Андрей категорически отказался сообщать в линейную милицию. Не хватало еще, чтобы менты, с трудом сохраняя серьезные мины, подбрасывали ему игривые вопросы.

С грехом пополам наскреб небольшую сумму, продав кому-то из соседнего купе кожаный пиджак, вчера закинутый им, на его счастье, далеко на верхнюю багажную полку. Проводница дала телогрейку, прожженную, с торчащей из дыр рыжей ватой – похоже, с плеча откинувшегося с зоны зэка.

На следующей станции Андрей сошел, сел в первый поезд, следующий на восток, и поехал обратно – на безмерную радость женщине, которая так любовно и умело зашивала ему деньги в трусы.

8. МАЙКА.

На этот раз старуха в лыжных куртке и штанах выгнала-таки Майку. И она слонялась до темноты вблизи старого дома. Когда заморосил дождь с крупой, укрылась у поленницы. Вечером он явился не один, а с рыжеволосой девушкой. Она пробыла у него до утра, и до утра Майка дрожала у поленницы.

Парня она увидела под вечер следующего дня. Тот быстро шагал к гаражам, натягивая на ходу перчатки. Майка в десятке метров бежала за ним, пока он случайно не оглянулся. Ее вид ужаснул даже его. Ее почерневшие щеки втянуло от голода; она дрожала и подобострастно заглядывала в его глаза.

Он страшно выругался. Грубо крикнул, встряхивая ее:

– Ты чокнутая, что ли? А ну отваливай живо. Не нужна ты мне, не нуж-на!

Развернул ее, с силой пнул под зад и заторопился дальше. Майка от пинка пробежала немного, как собачонок, потом развернулась и побрела в никуда. «Никуда» вновь оказалось поленницей, за которой, уткнувшись в рукав, она зарыдала.

На этот раз парень появился в пять часов утра. Подморозило, застывшая земля весело и звонко постукивала под его каблуками, похрустывал ледок в лужицах. Он выиграл, у него было на редкость замечательное настроение. Он шел быстро, насвистывая, предвкушая, как сейчас разденется в тепле, закурит, разбавит горячий чай коньяком...

Скрюченная фигурка лежала ничком у поленницы, он внес ее в комнату на руках. Когда Майка очнулась и повела взглядом, увидела, что находится на знакомом кожаном диване. Под ее головой лежит его свернутое пальто, а рядом стоит стакан с дымящимся чаем и кусок хлеба, а сам он ходит по комнате взад и вперед и торопливо курит. Майка слабо улыбнулась. Она была счастлива. Обеими руками схватила стакан и жадно выпила чай, съела хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.